

Клаудиа Оливьери

ДОСТОЕВСКИЙ В ИТАЛИИ. СТОЛЕТИЕ КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В 1973 году филолог-итальянист Злата Потапова наметила общую картину, отражающую русско-итальянские культурные связи рубежа XIX–XX веков, и в особенности, отзвуки творчества Достоевского в итальянской литературе, которые подробнейшим образом изучены как итальянскими, так и русскими литературоведами с разных точек зрения¹. Авторы также немало говорят об обратном влиянии: Достоевский много раз бывал в Италии, его впечатления и мысли о стране переходили из записных книжек в романы, чему посвящены многочисленные критические исследования².

Гуарньери Ортолани своим «Очерком об итальянской судьбе Достоевского» обозначила проблему, подойдя к ней с точки зрения сравнительного литературоведения³, в России развila и углубила эту тему Инна Володина, известный Петербургский ученый и переводчик. В работах, посвященных восприятию и судьбам русской литературы в Италии, наибольшее внимание автор уделяет влиянию Достоевского на творчество итальянских литераторов в углублении психологической жизни «персонажей-убийц»⁴.

В таких исследованиях как «Достоевский и итальянская литература XIX — начала XX века» (1978) и «Достоевский и итальянский роман конца XIX — начала XX века» (1980)⁵, выделяется проблематика и определяются ключевые понятия, актуальность которых бесспорна и в наши дни. Володина разделяет процесс освоения творчества Достоевского в Италии на два основных периода: одобрение литературной критики (1870–1880), за которым следует признание в писательской среде — 1890 год. В этом смысле чрезвычайно важной оказывается фигура Луиджи Капуана (1839–1915): одновременно и писатель, и теоретик, сицилийский автор был хорошо знаком с произведениями Достоевского. Как свидетельствуют его собственные примечания на переводах романов русского автора, обнаруженных в его личной библиотеке, роман «Маркиз Роккавердина» (1901) был написан под впечатлением романа «Преступление и наказание» (ведь это тоже история одного «гордого» убийства); однако, хотя в «Маркизе...» Капуана интересовался «физиологической психологией» убийцы, он оставил в стороне нравственно-религиозную проблематику, поставленную русским писателем⁶.

Володина считает, что «в критическом освоении творчества Достоевского Италия обогнала другие европейские страны»⁷ благодаря работам Де Губернатиса, Чамполи, Капуана, Ферри, Гарофало, Поцци, Карлетти, которые по-разному его интерпретировали — от «веристской» концепции до «криминалистической»⁸. Однако ав-

тор замечает, что в 1870–1880-е годы говорить о значительном влиянии Достоевского на итальянскую литературу не приходится. Веристы, стоя на прямо противоположных эстетических позициях, не приняли его нравственные и духовные искания. В начале 1890-х, после того, как Веризм потерял свою популярность, к Достоевскому начинают обращаться писатели, которых более всего привлекало открытие Достоевским «подпольного» человеческого мира.

Одной из первых отсылок на проблему *преступления и наказания* стал роман Эмилио Де Марки (1851–1901) «Шляпа священника» (1888): Барон Карло Кориолано де Сантафуска, как и Раскольников, совершивший убийство, оправдывает свое поведение естественнонаучным утилитаризмом, но, в конце романа, вместо религиозного спасения внутренняя борьба логики и нравственной истины доводит барона до раздвоения личности. В романе «Джованни Эпископо» (1892) — истории уничтоженного и оскорбленного человека — Габриеле Д'Аннуцио (1863–1937) передал атмосферу рассказа «Кроткая» (формальные приемы диалогизированного монолога и сбивчивого рассказа героя). Также Д'Аннуцио разработал тему *преступления и наказания* в противоположном смысле в романе «Невинный» (1892), главный персонаж которого совершает эстетическое, светское, сверхчеловеческое убийство. Некоторые черты произведений Достоевского отразились и в романе «Отживший мирок» (1895) Антонио Фогаццаро (1863–1937), главный герой которого — «мечтатель» Франко Майрони, чей образ проникнут идеей нравственной красоты и религиозного совершенствования человека, согласно католическому вероучению. Луиджи Пиранделло (1867–1936), как и Достоевский, интересовался сознательной и подсознательной жизнью персонажей; правда, их сближает еще мотив красоты и страдания, нашедший отражение в их трагических женских образах (например, Героиня романа «Серафино Губбио — кинооператор», русская актриса Варя Нестерова создана под впечатлением «роковой» Настасьи Филипповны); показательно и то, что сицилийский писатель дважды пишет о Достоевском (про его влияние на Капуана и в статье «Юморизм», где, цитируя исповедь Мармеладова, называет его «юмористическим» персонажем). Однако более ясным примером глубокого усвоения творчества Достоевского являются произведения Грации Деледда (1871–1936): ее ответом на «Преступление и наказание» стали рассказ «Заблуждение» (1901), романы «Плющ» (1906) и «Тростник на ветру» (1913). Углубляя диалектику души, совершающей преступление, писательница одновременно развивает и темы нравственной свободы и искупления вины, а в последнем своем романе «Тростник на ветру» (1913) она продолжает то, о чем Достоевский решил не писать — тему обновления и перерождения человека⁹.

Таким образом, Гуарньери Ортолани, с одной стороны, и Инна Володина, с другой, с большой точностью выявили те мотивы Достоевского (вина и ее искупление; сверхчеловечество; «двуличность» сознания и подсознания), которые нашли отражение в творчестве итальянских писателей начала XX века. Однако, в настоящей работе я бы хотела прежде всего осветить проблему *критической интерпретации* Достоевского в Италии, несмотря на то, что в Италии до сих пор был довольно популярен компаративистский подход, отмечающий в произведениях «содержательное сходство». Мне хотелось бы начать с обзора монографии, которая, на мой взгляд, предлагает совершенно новую точку зрения на проблему «итальянский Достоевский», являясь наиболее свежим исследованием на эту тему. В масштабной ра-

боте «Достоевский в Италии. Журнальная полемика (1896–1945)» Сильвия Адамо с особой тщательностью отобрала и дала комментарии к статьям, выступлениям и отзывам о Достоевском, появившимся в Италии в первой половине XX века¹⁰. В заключение настоящей работы я также отмечу и другие этапы развития трактовки этой проблемы в течение второй половины того же века.

Оригинальность исследования Адамо, очевидная уже в авторском предисловии, состоит в отказе от выискивания содержательного сходства между Достоевским и итальянской литературой и в признании единства критического освоения творчества русского писателя (определенного как «лакмусовая бумажка») в журнальной полемике первой половины XX века. «Voce» («Голос»), «Ronda» («Патруль»), «Solaria» («Солярия») — все эти журналы являлись теми информационными рупорами и дискуссионными центрами, которые фиксировали в разные моменты истории наиболее значительные события культурной жизни страны¹¹. Объясняя свой выбор, автор утверждает, что журнал есть живая прямая форма посредничества и, следовательно, культурного освоения, форма чрезвычайно жизнеспособная и эффективная, отражающая определенный момент культурного развития. Проекция, предложенная Адамо, мне кажется особенно эффективной также по следующим причинам: во-первых, освещение восприятия творчества Достоевского как некоей «меры» сознания воспринимающих не является самоцелью, но в свою очередь освещает итальянскую культурную реальность; во-вторых, критическое освоение в отличие от писательского признания не является промежуточным этапом, но есть неотъемлемое условие литературной деятельности.

Книга разделена на пять частей по хронологическому принципу, переходные периоды в истории итальянской культуры данного временного отрезка имеют формообразующую функцию в построении этой монографии. Однако подобное деление не совсем жесткое, поскольку журналы и критика работали в сотрудничестве друг с другом, активно полемизируя и обмениваясь мнениями.

Первая глава посвящена итальянским исследованиям творчества Достоевского конца XX века. Первый критический разбор был опубликован в августе 1869 года в «Rivista contemporanea» («Современном журнале») за подписью некого «М. А...ff» (предположительно Анджело Де Губернатиса)¹². Ощущается, по крайней мере, сначала, информационная недостаточность: первая книга о Достоевском (Вогюэ) приходит из Франции, первые итальянские переводы Достоевского — с французского (*traduire et adapter*)¹³. С этих пор в критике о Достоевском определились следующие векторы: противопоставление Толстому (принятое за элемент сравнения)¹⁴, интерес к личности автора во вред критике собственно творчества (Достоевского обвиняли в «недостаточном внимании» к форме) и признание его своеобразия и непохожести, в чем проявляется, на самом деле, интерес ко всему русскому и России как таковой¹⁵. На общем фоне особенно выделяется «казус Д'Аннуцио»: автор не задерживается подробно на уже много раз отмеченной близости творческих замыслов обоих литераторов, но упоминает о слухах о «плагиате Д'Аннуцио»¹⁶, распущенном в прессе:

«Сложная взаимосвязь и взаимоотношения Д'Аннуцио с Достоевским и русской литературой разразилась в периодике целой серией заметок, отсылок, опровержений, споров и скандалов, что во многом говорило о все возрастающей важности периодической формы в культурном процессе»¹⁷.

Вторая глава сосредоточена на рецензиях, опубликованных в «Voce», периодическом издании, пропитанном неким «воинствующим идеализмом» и ярко выраженным европеизмом¹⁸. Статьями Преццолини, Папини, Соффичи был продемонстрирован определенный спад интереса к «другой» литературе, не принадлежащей, «иной» по отношению к итальянской традиции, и, как следствие, литературе не дешифруемой:

«Аномалия произведения, к которому не применимы современные критические методы, есть причина удаления от литературного горизонта и повышенного внимания к эманации творческой личности»¹⁹.

Тем временем, важность проблемы положения интеллектуала-буржуа требует обратить внимание на личность Достоевского-писателя:

«В первые годы наступившего века по отношению к Достоевскому начинают вырисовываться новые направления интерпретации, когда собственно творчество отодвигается на другой план, чтобы сконцентрироваться на личности создателя, его жизни, политических и идеологических установках, выраженных в “Дневнике писателя”»²⁰.

После Октября 1917 года к образу гениального интеллектуала, «борца, истерзанного жизнью», добавляется образ «политического пророка»: Октябрьская революция не могла не внести вклад в освоение творческого наследия Достоевского, с тех пор «политизация» становится главным мотивом его толкования, по-разному переработанным в течение XX века. Преимущественно политическое прочтение возникло уже по случаю столетия со дня рождения писателя, которое имело широкий резонанс в Европе, но о котором лишь недавно вспомнили в Италии (что во многом свидетельствует о культуре закрытой, сконцентрированной на себе)²¹. Между тем, если повышенное внимание к биографии Достоевского было мотивировано отсутствием строгих филологических критерии, при помощи которых ученые могли бы корректно исследовать произведение, то зарождающаяся славистика в те годы лишь начинала затачивать свои инструменты и совершенствовать мастерство.

Не имея еще независимых от отечественной критической мысли методов исследования, Этторе Ло Гатто, создатель итальянской славистики, не раз жаловался на низкое качество переводов (в основном неполные адаптации). А в журнале «Bilychnis» были опубликованы исследования, в которых осуществлялся поиск философско-религиозного смысла произведений Достоевского. В то же время Гобетти отмечал недостаток внимания к собственно художественной стороне произведения²².

В третьей, самой большой, части речь идет о многоликой культурной ситуации в период с 1920 по 1930 гг. В 1919 Кардарелли основывает журнал «Ronda», рожденный на следующий день после окончания Первой мировой войны²³. Лозунгом нового издания стал призыв к «возвращению к порядку», что задало ориентацию на классицизм. С этой точки зрения Достоевский должен был быть отвергнут как автор чуждый итальянской традиции и потому «неклассический», но, несмотря на это, журнал парадоксальным образом обнаруживает новый, «технический» подход и новое понимание творчества писателя, оцененного пусть и негативно согласно литературным критериям. В отличие от предыдущих «нелитературных» анализов, участники «Ронда» подчеркивают технические и композиционные аспекты творчества Достоевского:

«Творчество Достоевского не оценивается больше по прежним критериям, как это было принято до сегодняшнего дня, по особым параметрам, в некоторой степени альтернативным эстетическим литературным качествам. <...> Впервые применяются специфически литературные критерии, допустимые и для других как итальянских, так и зарубежных художественных явлений»²⁴.

Неприязнь «Ronda» к большой романной форме и характеристика Ф.М. Достоевского скорее как социолога, нежели как писателя, объясняет увлечение повестью «Записки из Мертвого дома», оценка которой исключала композиционные аспекты. Тем более, что эта «нелитературная биография» имела и отечественный образец того же жанра «Мои темницы» Сильвио Пеллико²⁵. В эти же годы Пьеро Гобетти в своем «Baretti» («Баретти»), возродив в критике Достоевского бином «литература-политика», отвергнутый критиками «Ronda», открыл принципиально иной вариант исследования: не прерывая своего диалога с итальянскими славистами, он предложил исследовать «почву», из которой созданы произведения, и, основываясь на этом критерии, Гобетти отводит Достоевского в стан классицистов²⁶. В конце десятилетия, избрав общеевропейскую линию и осознав необходимость в романной форме как жанре наиболее способном отражать актуальное, Антонио Борджезе обратил внимание и на маленькие произведения Достоевского, начиная с маленьких «очерков» (например, «фантастический рассказ» «Кроткая»). В течение пятнадцатилетней критической деятельности автор предложил новое независимое прочтение творчества русского автора и подчеркнул «рвение, с которым он исследует душевное состояние и безволие личности»²⁷. Его опыт позднее был подхвачен и развернут в журнале «Solaria», в первом выпуске которого прозвучало: «Для нас Достоевский действительно — великий писатель»²⁸. Очевидно было влияние французского «Nouvelle Revue Française»; «Solaria» обращалась к Европе, придерживаясь той же позиции относительно определения наиболее приемлемых моделей повествования в современной литературе, долгое время не имевших популярности в Италии, и утверждая, что только форма романа могла отразить и правильно передать напряжение и «смутность» начала XX века.

Вслед за признанием и переоценкой творчества Достоевского-романиста следует открытие Достоевского как «первооткрывателя бессознательного» в литературе. Созданию нового «экзистенциального» образа писателя, вставшего в один ряд с европейскими (Кафка, Пруст) и итальянскими (Итало Звеово²⁹ и Федерико Тоцци) литераторами, способствовало его увлечение и углубление в неисследованные недра человеческой души, открытие интроспекции и подсознания, сюрреального. Не случайно:

«Все недостатки, традиционно приписываемые русскому писателю, становились для «Соларии» едва ли ни манифестом в пользу литературы духовно осознанной, открытой для исследования того, что есть человек, литературы, избегающей формальных приемов»³⁰.

Параллельно с этими опытами росла и совершенствовалась в академическом плане итальянская славистика. Так, Этторе Ло Гатто в «Russia» («Россия») и «Rivista di Letterature slave» («Журнал славянской литературы») пытается переосмыслить масштаб «несхожести» Достоевского (в сюжетах и их изложениях) с итальянской литературой (ведь русский писатель «принадлежит к другому миру»), применив сугубо филологический анализ, и придать ему таким образом глобальный характер.

Также он предвестил появление новых, более корректных переводов критических произведений и маленьких рассказов Достоевского, до того момента недопустимых в Италии, и всячески способствовал переложению и распространению и критической мысли нового поколения, заручаясь мнениями русских критиков (Ляцкий, Белый)³¹. Одновременно Вольфганг Джусти в своих исследованиях вводил писателя в общеевропейскую панораму (см. его работу об отражении темы «двойничества» в европейской литературе)³², а Альфредо Полледро в период с 1926 по 1934 гг. выпустил в своем издательстве «*Slavia*» («Славия») 57 изданий переводов русских классиков, среди которых были и неизданные произведения Достоевского³³.

В четвертой главе речь идет об итальянском культурно-общественном резонансе по случаю пятидесятий годовщины со дня смерти писателя (1931 год). Издание «*Cultura*» («Культура») посвящает Достоевскому в феврале целый выпуск: опубликованные итальянские и зарубежные (в том числе и русские) свидетельства говорят о необходимости более полного переосмыслиния, о желании синтезировать и обобщить споры о Достоевском последних 30-ти лет, в результате выводится итог, полная и систематическая картина последнего десятилетия, не имевшая прецедентов в предыдущие годы³⁴. Мартовский номер «*Italia letteraria*» («Литературная Италия») в своем намерении описать итальянскую судьбу Достоевского оказался гораздо более эмоционален, нежели основательные критические очерки. Здесь не предлагается новая интерпретация метода Достоевского, нет новых критических выводов, но в основном отражен личный, несколько субъективный взгляд на проблему восприятия Достоевского в Италии³⁵.

Пятая глава хронологически совпадает с фашистским периодом итальянской истории и посвящена толкованиям, появившимся в это время, которые, в сущности, ограничиваются пропагандистской обработкой и опошлением. В периодической печати намечается лишь спад интереса к творчеству Достоевского, в критике также наблюдается определенная стагнация, слабая полемика 1930-х годов не могла отменить предыдущий опыт, переосмысленный в свете новой фашистской культурной политики. И в случае религиозно-политического прочтения Достоевский снова обретает образ пророка большевистской социалистической революции. А так называемая модель «национальной религиозности» (примат русской православной церкви), обнаруженная критикой фашистского периода, парадоксальным образом ложится на взаимоотношения фашистского режима и католической церкви. Определенное «понижение литературности» в осмыслении творчества Достоевского оказывается на вновь повышенном внимании к обстоятельствам жизни писателя в ущерб его творчеству. В этом смысле чрезвычайное значение приобретают «Воспоминания» Анны Григорьевны Достоевской, публикация которых в Италии получила широкий резонанс. Речь идет не о случайной биографии послушной жены и матери, в ее образе фашистские культурные идеологи нашли воплощение идеала фашистской женщины³⁶. Хронологически книга Адамо доходит до 1945 года, заканчиваясь кратким анализом литературоведческих тенденций после падения фашистского режима³⁷, суть которых заключалась в ориентации на диалектику «другого» и тогдашних опытов славистики, которая, будучи надежно изолированной от официальных академических школ, продолжала публиковать в своем журнале «*Europa Orientale*» («Восточная Европа») исследования огромного значения³⁸. В заключение своей работы Адамо также помещает приложения: «Итальянские переводы Достоевского (1887–1945)», «Статьи

о творчестве Достоевского, опубликованные в Италии (1869–1945)», «Монографии и исследования творчества Достоевского, вышедшие в Италии (1890–1945)».

В книге Адамо, на мой взгляд, с большой точностью появляется одна из характерных особенностей освоения творчества русского писателя в Италии, а именно, некоторая недооценка самих произведений, их повествовательных техник (*поэтики и стилистики*, как бы сказал Бахтин), в то время как наибольшее внимание уделено содержательному анализу, выводящему в качестве основных аспектов — биографический и философско-политический. Во второй половине XX века основные линии исследования, правда, несколько обновленные и иногда перекрещенные между собой, остаются в основном неизменными:

1. литературно-биографическая;
2. религиозно-философская;
3. «популярная».

1. Эуриало Де Микелис, отец знаменитого итальянского филолога-слависта, начав исследование с небольших статей и выступлений, глубоко изучает тему в двух своих масштабных научных трудах: «Достоевский» и «Ранний Достоевский»³⁹. Первый содержит в себе абсолютно новый формальный и содержательный подход, анализирующий само по себе произведение, свидетельствуя также об исключительном опыте автора и знании материала. Монография разделена на три большие части («Безжалостный Достоевский», «Многосторонность», «Добро и Зло»), разделенные, в свою очередь, на параграфы, каждый из которых посвящен определенному произведению Достоевского. Де Микелис, признавая отсутствие хорошей языковой подготовки (здесь оказалось чрезвычайно важным междисциплинарное сотрудничество с Этторе Ло Гатто), отходит от сугубо компаративистского метода, пользуясь научным анализом, отличающимся особой филологической строгостью, который он определяет как «прочтение текста».

2. Многообразие этого сложного направления варьируется от сугубо философского аспекта до мистико-религиозного. Последнее исследование в этой области, принадлежащее Серджио Дживоне, представляет диахронический обзор интерпретаций писателя русскими и европейскими философами прошедшего столетия (1881–1982). Отдельная часть посвящена влиянию Ф.М. Достоевского на итальянскую философию, которое очевидно в трудах разных мыслителей: начиная с философии Романо Гуардини (немца итальянского происхождения) и Ремо Кантони до сверхсвременных теорий «крайней теоретической строгости» Луиджи Парейсона (наставника Дживоне), известного работами «Испытание свободой у Достоевского» (1978), «Тема двуличности у Достоевского» (1980), «Бессмысленное страдание у Достоевского» (1982)⁴⁰.

В своей работе Гуардини утверждает, что поступки героев Достоевского определяются их религиозностью, состоящей, с одной стороны, из «стихийности» существования (родная земля, народ), с другой, из библейских примеров, вошедших в жизнь (историзированных) во времена, когда жил и творил Достоевский. Но только после Второй мировой войны итальянская философия начинает осваивать Достоевского. Испытавший заметное влияние зарождающейся итальянской философии экзистенциализма Ремо Кантони подчеркивает проблематику и деструктивную диалектику произведений Достоевского, и поэтому считает «Записки из подполья» наи-

более значительным произведением писателя. Парейсон, используя иной подход, обращается к поэме «Великий инквизитор», анализируя ее во всей целостности (предисловие Ивана, «Поэма», ответ Алеши): Бог не объясняет причины «бессмысличного страдания», но, искушая его, принимает на Себя.

3. Третье направление, наиболее популярное и многозначное, основанное на интересе итальянских читателей к русскому писателю, выбирает в себя составляющие из разных сфер культурной жизни. Отчасти в этом ключе написаны некоторые исследования первой половины XX века, уже упомянутые в анализе книги Адамо (я имею в виду примеры «политического» прочтения произведений Достоевского). Наиболее представительными среди прочих в этом смысле являются труды Пачи и Беттида. В 1955 году под руководством Энцо Пачи выходит популярная серия радиопередач, посвященных философской основе творчества Достоевского, ставшая впоследствии книгой «Творчество Ф.М. Достоевского»⁴¹. Подобные радиоуроки показывали в творчестве Достоевского важность соотношения «искусства» и «мысли». Литература становится инструментом философии, так как поднимает и развивает вопрос о смысле существования человека. Также Энцо Беттида, работая в Москве журналистом в период с 1964 по 1974, заново открывает прежнюю, пусть и обновленную популярную тогда темой «Миф Петербурга», политическую версию прочтения произведений, вспоминая Достоевского — пророка революции⁴².

В наши дни Достоевский остается русским писателем, принятым и воспринятым в полной мере итальянской культурой, благодаря, в частности, появляющимся все более точным переводам выдающихся славистов⁴³. Но все же я сознательно исключила из своей работы ценнейшее наследие уже столетней итальянской славистики, представленной многочисленным количеством исследований, книг и монографий, в которых итальянские русисты, владея языком оригинала и таким образом работая с «живым» материалом, основательно изучили каждый аспект творчества Достоевского⁴⁴. Мне кажется, что эти исследования, имеющие международную славу, в силу своей специфики, доступны пониманию только специалистов, в то время как моя задача состоит в создании более широкой панорамы с точки зрения «итальянистики». Стоит упомянуть совместные работы итальянистов и славистов, вышедшие в свет по итогам научных конференций и встреч, отличавшихся большой результативностью. Представляя направления в исследовании, появившиеся в течение XX века, о которых шла речь выше, эти работы свидетельствуют о неослабевающем интересе к русскому писателю и опираются на современную интердисциплинарную концепцию, которая мне представляется фундаментальным условием для построения научного исследования⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Потапова З.М. Русско-итальянские литературные связи (вторая половина XIX века). М.: Наука, 1973; Восприятие русской культуры на Западе. М.: Наука, 1975; Григорьев А.Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977; Renton B. La letteratura russa in Italia nel secolo XIX // Rassegna sovietica. 1961. № 5.

² О пребывании Достоевского в Италии см.: Markovitch M.M. Dostoievski. L'Italie et Florence // Rivista di letterature moderne e comparate. 1958. № 3–4. С. 245–259; Основат A.Л.

Достоевский — абонент флорентийской читальни // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 4. Л., 1980; Прогожин Н.П. Достоевский во Флоренции в 1868–1869 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 5. Л., 1983; Брусовани М.М., Гальперина Р.Г. Заграничные путешествия Ф.М. Достоевского в 1862–63 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 8. Л., 1988; Ковальская М.И. Италия эпохи Рисорджименто в творчестве Тютчева и Достоевского // Россия Италия. М., 1993.

³ *Ortolani Guarneri A.M. Saggio sulla fortuna di Dostoevskij in Italia. Padova: Cedam, 1947;* см. также: *Santo L. dal. Saggio di bibliografia italiana su Dostoevskij // D. Aristide. Studi in onore di Federico M. Mistorigo. Vicenza: Comune di Vicenza, 1958.*

⁴ Среди ее переводов: Скора с патриархом (с произведениями Капуана, Деледда и Верга). Л.: Лениздат, 1987; *Пиранделло Луиджи. Избранные произведения*. М.: Панorama, 1994; под ее редакцией вышла и книга «История итальянской литературы» (М., 1990).

⁵ Володина И.П. Достоевский и итальянская литература XIX — начала XX в. // Достоевский в зарубежных литературах. Л.: Наука, 1978; Володина И.П. Достоевский и итальянский роман конца XIX — начала XX века // Володина И.П. Пути развития итальянского романа (вторая половина XIX — нач. XX в.). Л.: ЛГУ, 1980.

⁶ См.: Володина И.П. Луиджи Капуана и литературная теория Веризма (1860–1880). Л.: ЛГУ, 1975.

⁷ Володина И.П. Достоевский и итальянская литература XIX — начала XX в. С. 6.

⁸ «Веризм» (от слова «*vergo*» — истинный, правдивый); литературное явление, занимавшее в итальянской литературе господствующее положение в 1880-х годах (среди его представителей: Верга, Капуана, Сербо, Де Роберто); писатели-веристы, требовавшие объективного изучения и описания действительности (теория «*среды*»), отвергали творческий метод предыдущего поколения писателей; хотя веристы делали попытки истолковать мировоззрение Достоевского со своих натуралистических позиций, они воспринимали русского писателя в противопоставлении их литературной деятельности (у него «*чрезмерный реализм*», он — «*поэт скорби*», «*психолог страдания*», «*певец милосердия*»). Творчество Достоевского привлекло внимание и итальянских криминалистов (Ферри, Гарофало, Понци, Ломброзо), изучавших преступника как человека определенной «*среды*». Согласно принципам криминальной антропологии, они сравнивали Достоевского с Сильвио Пеллико («*Мои темницы*») и высоко ценили «*Записки из Мертвого дома*», видя в них единство психологических черт русских и итальянских преступников.

⁹ См.: Володина И.П. Итальянская традиция сквозь века (из истории итальянской литературы XVI–XX веков). СПб., 2004 (статьи «Проблема преступления и наказания в итальянской литературе на рубеже XIX–XX веков» и «*Пиранделло и Достоевский*»); по поводу взаимоотношений между Достоевским и Деледди, см. также: Володина И.П. Грация Деледда и Достоевский. К проблеме искупления // Проблемы истории зарубежных литератур. Вып. 5. Литература в контексте культуры. СПбГУ, 1998. С. 217–224.

¹⁰ Adamo S. *Dostoevskij in Italia. Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Pasian di Prato, Campanotto editore, 1998; книга имеется и в Российской Государственной библиотеке им. Ленина (Москва). Книгу Адамо также рецензировал знаменитый итальянский русист Чезаре Де Микелис («*Russica Romana*». 2000. № 7).

¹¹ Журналы играли значительную роль в процессе «модернизации» литературы в начале XX в., несмотря на различие их эстетических и литературных платформ, эти издания сходились в стремлении европеизировать итальянскую литературу, освободив ее от провинциальных схем, приобщить итальянцев к достижениям зарубежной художественной мысли; см.: История итальянской литературы.

¹² M. A. ff. Dasztaievsky e le sue opere // «Rivista contemporanea». a. X f. CLXXXIX. № 8 (авг. 1869). С. 271–287.

¹³ Vogüé M.E. Le roman russe. Paris: Plon, 1886 (русск. пер.: *Вогюэ М.-де. Современные русские писатели. Толстой, Тургенев, Достоевский. М., 1887*). Первый французский перевод

Достоевского был опубликован в 1884 г. («Le crime et le châtiment»), только спустя три года в Италии появились «Dal sepolcro de' vivi» (1887) и «Il delitto e il castigo» (1889), оба изданные в серии «Biblioteca ampea» братьев Treves.

¹⁴ Считалось, что насколько *граф* Толстой описывает реальную жизнь — ее законы, настолько разночинец-Достоевский подчеркивает ее аномальность — исключения. См.: M. A., ff. Dasztaievsky e le sue opere.

¹⁵ См.: Depanis G. A proposito di alcuni romanzi russi // Gazzetta letteraria. X, 41; Pica V. All'avanguardia. Studi sulla letteratura contemporanea. Napoli: L. Pierro, 1890; об итальянских путешествиях (Modrich, Fatichi, Pinverte, Carletti, Ciampoli) в Россию на рубеже XIX века см.: Adamo S. Alla scoperta del «colosso dai piedi di creta». Viaggiatori italiani in Russia tra Otto e Novecento // Viaggio intorno al viaggio. Palermo: Palumbo, 1998; (Ciampoli D.). Ricordi di Russia: alla tomba di Dostoevskij // «Fanfulla della Domenica». XV. № 8 (19.2.1893).

¹⁶ Michelis C.G. de. D'Annunzio, la Russia e i paesi slavi // D'Annunzio europeo. Roma: Lucarini, 1991.

¹⁷ Adamo S. Указ. соч. С. 38.

¹⁸ «Воче»: флорентийский журнал, издававшийся в 1908–1916 гг., основателем которого был писатель-журналист Джузеппе Преццолини (1882–1982); ориентировавшийся на Кроche и Джентиле, он активно участвовал в культурной жизни Италии начала 1900-х годов. В журнале помещались статьи, освещавшие широкий круг проблем от философии и эстетики до истории и морали. Авторы, искавшие особой эмоциональности в поэзии, придавали большое значение биографическим моментам творчества; их тяга к европеизации литературы выражалась в стремлении усвоить опыт более передовой культуры (в том числе и произведений Достоевского). В «Воче» принимали участие Дж. Папини (1881–1956, поэт, прозаик, критик, философ pragmatизма), А. Соффичи (1879–1964, поэт, авангардист, фрагментарист), Дж.А. Борджезе (см. дальше). См. статьи: Prezzolini G. Dostoievski politico // «Voce». IV, 31 (1.8.1912); Sofucci A. Dostojewski // «Voce». IV, 4 (25.1.1912); Papini G. 24 cervelli, Ancona: Puccini, 1913.

¹⁹ Adamo S. Указ. соч. С. 73.

²⁰ Там же. С. 63.

²¹ По поводу «политизации» Достоевского см. статьи: Janni E. Dostojevski // Corriere della sera. XLVI, 260 (30.10.1921); Zabughin V. T.M. Dostoievski e l'idea slava // Rassegna italiana. V, вып. II, 47 (апрель 1922); A.C. (Cajumi Arrigo). Il destino di Dostojewsky. Nel primo centenario della nascita // «La Stampa». LV, 259 (30.10.1921); Gigli L. Il centenario di Dostoevskij // I Libri del giorno. V, 12 (декабрь 1921).

²² Эttore Lo Гатто (1890–1983), писатель, поэт, журналист, с 1941 года выдающийся профессор Римского Университета; активный и увлеченный знаток славянской литературы, организовал многочисленные культурные мероприятия и проекты, в числе которых издания: «Россия», «Журнал славянских литератур» и «Восточная Европа» (см. прим. 31), в 1921 году создает Институт Восточной Европы (его деятельность подробно рассматривается в книге: Lo Gatto E. I miei incontri con la Russia. Milano: Mursia, 1976). «Bilychnis» — философско-религиозный журнал, созданный в Риме в 1912 г.; см. статью: Kühn Amendola E. Il pensiero filosofico e religioso di F. Dostoievski // «Bilychnis». IV, f. 1 (январь 1917). Среди самых первых работ Гобетти о Достоевском см.: Gobetti P. Alcuni criteri metodologici per la comprensione di F. Dostoievski // «Russia». I, 4–5 (апрель–июнь 1921).

²³ «Ронда» — ежемесячный литературный журнал, созданный в апреле 1919 года и издававшийся до 1922 года (последний специальный номер вышел в декабре 1923 года); который, опираясь на «классическую» литературу Джакомо Леопарди, с одной стороны, противостоял авангардистским течениям, с другой, — высокопарности Д'Анунцио. Главным редактором издания был Винченцо Кардарелли (1887–1959), журналист, поэт, писатель, с 1928 года корреспондент в России итальянского журнала «Tevere» (по этому же поводу см. книгу: Cardarelli V. Viaggio di un poeta in Russia. Milano: Mondadori, 1954). Среди остальных участ-

ников (в основном бывших сотрудников «Воче») были: Е. Чекки, Р. Баккелли, А. Соффичи, Дж. Унгаретти (см. статьи: *Cardarelli V. Prologo in tre parti // «Ronda»*, I, 1 (апрель 1919); *Soffichi A. Osservazioni intorno alla letteratura russa // Там же. IV*, 3–4 (март-апрель 1922); *Ungaretti G. A proposito di un saggio su Dostoevski // Там же. IV*, 1 (январь 1922); *Bacchelli R. Paradosso su Tolstoj e Dostojewsky // Там же*, (декабрь 1923).

²⁴ Adamo S. Указ. соч. С. 99–100.

²⁵ Monachesi G. «Le mie prigioni» di Silvio Pellico e «La casa dei morti» di Fedor Dostojewsky // *Tavola rotonda*. XXXIII, (сентябрь 1924); Cipolla A. Tra i fantasmi della «Casa dei morti». La storia e i luoghi dell'esilio siberiano di Dostojewsky // *«La Stampa»*. LXIV, 261 (2.11.1930).

²⁶ Пьеро Гобетти (1901–1926), политик и публицист, сторонник Грамши, после революции 1917 года, заинтересовался русской литературой и читал ее в оригинале, погиб от преследования фашистскими бандами. Статьи, посвященные Gobetti Достоевскому (1921–1926), были опубликованы в книге: *Gobetti P. Paradosso dello spirito russo*. Torino: Edizioni del Baretta, 1926 (переиздана Einaudi в 1969 г.); показательно заглавие одной из этих статей: *Dostoievski classico* (первоначально в «Il Popolo romano», 3.3.1921). «Баретти» — приложение к журналу «Либеральная революция», издававшееся Гобетти с 1924 до 1926 года, продолжающее просветительно-либеральную традицию. В журнале печаталось много европейских авторов; среди сотрудников: Б. Кроче, Л. Еинауди, А. Полледро, Н. Сапеньо, Л. Гинзбург, Е. Монтале.

²⁷ Показательно и то, что то же самое можно сказать про Филиппо, главного героя романа «Рубе». Дж.А. Борджезе (1882–1952) — сицилийский писатель, поэт, журналист, критик, профессор немецкой литературы в Университете; в 1931 переехал в Америку по политическим причинам; провозглашает обновление итальянской литературы и возвращение к романной форме и отказ от фрагментизма. *Borgese G.A. Studi di letterature straniere*. Milano: Treves, 1915; *Borgese G.A. Dostoievski minore // «Corriere della Sera»*. XLVIII, 97 (23.4.1922); *Borgese G.A. Dostoievski secondo Gide // Там же. XVIII*, 310 (28.12.1923); *Borgese G.A. I Karamazof // Там же. XL*, 129 (30.5.1924); *Borgese G.A. Dostoievski «umorista» // Там же. LII*, 159 (6.7.1927).

²⁸ «Солариа» — флорентийский ежемесячный журнал, издаваемый с января 1926 до мая 1934 года, преследуемый фашистской цензурой, дал новую оценку актуальности итальянского романа (от И. Ньево до И. Звево), публиковал рецензии и переводы зарубежных авторов, эссе, тексты молодых авторов (в основном молодые поэты: Дж. Унгаретти, У. Саба, С. Куасимодо). *Corsivo d'apertura // «Solaria»*, I, 1 (январь 1926); *Ferrero L. Perché l'Italia abbia una letteratura europea // Там же. III*, 1 (январь 1928); *Consiglio A. Caratteri di Svevo // Там же. IV*, 3–4 (март-апрель 1929); *Poggiali R. Gli esiliati della cultura // Там же. VIII*, 1 (январь 1933); *Poggiali R. Mitologia di Franz Kafka // Там же. IX*, 2 (март-апрель 1934).

²⁹ В своей новелле «Убийство на улице Бельподжо» Итало Звево (1861–1928) также сорвался изучать психику в момент крайнего напряжения душевных сил человека, однако герой новеллы Джорджо (совсем не сильная личность) совершает убийство не ради высоких побуждений, а из-за денег. Также в романе «Сознание Дзено» (где прямо упоминается «Преступление и наказание») в размышлениях героя получает некое отражение и личное сравнение Раскольникова с Наполеоном (хотя Дзено так же, как и Джорджо, не способен на то, что Раскольников сделал). По поводу отношения Звево к Достоевскому см.: Беляев В.В. Достоевский и ранняя новелла Итало Звево «Убийство на улице Бельподжо» // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 7. Л., 1987;

³⁰ Adamo S. Указ. соч. С. 145.

³¹ «Россия. Журнал литературы, искусства и истории» — журнал созданный Ло Гатто в Неаполе в 1920 г., просуществовавший до 1926 года, до появления «Журнала славянских литератур» (издававшегося до 1932 года); среди участников обоих журналов был и знаменитый русист Джованни Мавер. Для «России» Ло Гатто перевел: «Documenti per la storia del pensiero russo. Il discorso di Dostoevski su Puskin» (Речь о Пушкине). I, 2 (декабрь 1920); «Vlas». I, 6 (март 1922); «Cronaca di Pietroburgo» (Петербургские летописи). II (1923). Среди

статьей Ло Гатто: *Dostojevskij nei suoi primi racconti* // «Rivista di Letterature slave». I, 1–2 (июнь 1926); *Note per un libro su Dostojevskij* // Там же. III, 2 (апрель 1928). Среди статей, посвященных Достоевскому, изданных в журналах Ло Гатто см.: *Ljatskij E. Alcune idee sullo stile artistico in Dostojevskij* // «Russia». II, n. s. (1923–1924); *Bjelij A. Ibsen e Dostojevskij* // Там же. III n. s. (1924); *Resnevic O. Pensatori russi. Leone Scestov* // Там же.

³² В частности, Джусти имел в виду немецкую литературу и распространенную в ней тему «раздвоения личности» (он перечисляет всех «раздвоенных» персонажей Гофмана и анализирует произведения Кафки и Пиранделло, получившего высшее образование в Германии); см.: *Giusti W. Dostojevski e il pensiero tedesco* // «Rivista d'Italia». IX, n. s. f. 5 (15.5.1926). Показательно и то, что до тех пор в Италии еще оставался открытый вопрос перевода названия романа «Двойник» (переведено и «Двойник», и «Другой я»).

³³ Среди переводов издательства «Славия»: «Братья Карамазовы» (первый полный перевод, 1926); «Село Степанчиково и его обитатели», «Бесы» (1927); «Белые ночи», «Неточка Незнаванова» (1929); «Преступление и наказание», «Дядюшкин сон» (1930); «Бедные люди» (первый полный перевод, 1931); «Униженные и оскорбленные» (первый полный перевод, 1932); «Двойник» (1933).

³⁴ Журнал «Культура» — просуществовал с 1892 по 1935 год; созданный Руджеро Бонги, этот журнал свидетельствует о тесном контакте академической элиты и широкой публики; среди самых значительных авторов — Леоне Гинзбург, утверждавший, в частности: «Классицизм Достоевского по степени своей подлинности равен классицизму Эсхила» (*Ginzburg L. Classicità del Dostojevskij*); Мирский, выделяющий роль Достоевского в русской литературе в социально-политических условиях 40-х годов (*Mirskij D.S. Il posto di Dostojevskij nella letteratura russa*); Познер, анализирующий романную технику, отношение к жанру приключенческого романа. Достоевский, по его мнению, не следя нормам приключенческого романа, использует элементы жанра (*Pozner V. Dostojevskij e il romanzo d'avventure*); Джусти, исследующий связь произведений Достоевского с европейской литературой (*Giusti W. Sul «donchiscottismo» di alcuni personaggi del Dostojevskij*); Бем, изучающий первые литературные опыты Достоевского, в частности, влияние на них Гоголя (*Bem A. Il superamento di Gogol'. Per la comprensione delle prime opere del Dostojevskij*).

³⁵ Cinquant'anni dopo la morte di Dostojevskij // «Italia letteraria». III, 13 (29.3.1931). А. Консильо резюмирует исследования об итальянской судьбе Достоевского и подчеркивает многочисленность интерпретаций его творчества (*Consiglio A. 1881–1931*); Перрис предлагает свой личный взгляд на Достоевского (*Perris C. Lo scrittore e lo spirito russo*); Буччи анализирует, основываясь на юношеских воспоминаниях, «Бедные люди», где читатель «становится со-участником того, о ком пишет автор» (*Bucci G. Il primo libro di Dostojevskij*).

³⁶ По поводу глобальной «переработки» образа Достоевского в течение фашистского двадцатилетия см. статьи: *Anagnine E. Il significato morale, religioso e nazionale dell'opera di Dostoievski* // «Rassegna Nazionale». XIV, s. III, 162 (ноябрь 1931); *Monti A. L'ammonimento di un profeta* // «Gazzetta di Venezia». CXCV 59 (28.2.1937). Среди рецензий на «Воспоминания» Анны Григорьевны см. статьи: *La travagliata esistenza di un grande scrittore. Dostojewski visto dalla moglie* // «Il Messaggero». LXII 25 (30.1.1940); *Geraci F. Ricordi di Anna Grigorewna. Dostojewski da vicino. Il soggiorno a Venezia* // «Gazzetta di Venezia». CXCVIII 33 (2.2.1940); *Rossani W. I grandi ritorni. Dostojewski marito* // «Regime fascista». XXI 80 (3.4.1940); *Melani P.L. Dostoievski giocatore* // «Oggi». II 15 (13.4.1940); *Severi G.G. Gli ultimi anni di Dostojewski nelle memorie della sua seconda moglie* // «L'Ambrosiano». XIX 282 (26.11.1940); *Bazzano N. Il romanzo d'una stenografa. Anna Grigorewna, seconda moglie di Dostojewski* // «Lavoro». XXXIX 93 (3.4.1941); *Lo Curzio G. Nella Russia matrigna. Dostojewski visto dalla moglie* // «Gionale di Sicilia». LXXXI 281 (23.11.1941).

³⁷ См.: *De Michelis Eurialo. Le Memorie dal sottosuolo del Dostojevskij* // «Mercurio». II, 7–8 (март–апрель 1945); *De Michelis E. Un personaggio chiave del Dostojevskij* // «Il Mondo». I, 4 (19.5.1945).

³⁸ Среди них стоит вспомнить хотя бы: *Boschian L. Considerazioni sui manoscritti de «I fratelli Karamazov» di Dostoevskij* // «Europa Orientale». XVII, 9–10 (сентябрь–октябрь 1937) и 11–12 (ноябрь–декабрь 1937).

³⁹ *De Michelis E. Dostoevskij*. Bari: Laterza, 1950; *De Michelis E. Dostoevskij minore*, ivi, 1951; *De Michelis E. Dostoevskij nella letteratura italiana*. Firenze, 1972.

⁴⁰ *Givone S. Dostoevskij e la filosofia*. Bari: Laterza, 1983; *Guardini R. Il mondo religioso di Dostoevskij*. 1939 (trad. it.), Brescia, 1951; *Cantoni R. Crisi dell'uomo. Il pensiero di Dostoevskij*. Milano, 1948; исследования и статьи Парейсона вошли в монографию: *Pareyson L. Dostoevskij: filosofia, romanzo, esperienza religiosa*. Torino: Einaudi, 1993; по поводу Парейсона см.: *Savatteri E. Pareyson interprete di Dostoevskij*. Milano, 1993.

⁴¹ *Paci E. L'opera di Dostoevskij*. Torino: Edizioni Radio Italia, 1956.

⁴² *Bettiza E. Saggi, viaggi, personaggi*. Milano: Rizzoli, 1984. По поводу политического прочтения произведений Достоевского см.: *Valle R. Dostoevskij politico e i suoi interpreti*. Archivio Guido Izzi, 1990.

⁴³ Чезаре Де Микелис недавно предложил новый перевод «Преступления и наказания», где ему удалось воспроизвести (как указано в комментариях переводчика) даже разные языковые регистры Петербурга середины XIX века; см.: *Dostoevskij F.M. Delitto e catigo*. Roma, Biblioteca di Repubblica, 2004.

⁴⁴ Среди более современных биобиографических указателей: *Peloso P.F. Cenni biografici e critici su Dostoevskij romanziere (1821–1881)*. Genova, 1981; *D'Ajetto B. Bibliografia su Dostoevskij: in russo e nelle lingue occidentali*. Sant'Arpino: GEM, 1983. По поводу современных итальянских переводов произведений русского писателя см.: *Farinella M. Le riduzioni italiane dei romanzi di Fedor Dostoevskij: 1923–1993*. Torino, 1998. Упоминаю также те книги, эссе, работы и статьи итальянских русистов и специалистов других научных областей, которые появились в течение последнего двадцатилетия: *D'Ajetto B. Un approccio psicoanalitico a Dostoevskij*. Napoli, 1981; *Problemi attuali di critica dostoevskiana*, a cura di E. Bazzarelli. Milano: Istituto Lombardo, 1983; *Faj A. I Karamazov tra Poe e Vico: genere poliziesco e concezione ciclica della storia nell'ultimo Dostoevskij*. Napoli, 1984; *Ferrazzi M. Dostoevskij o Dell'ambiguità*. Roma, 1984; *Strada V. Le veglie della ragione*. Torino: Einaudi, 1984; *Cristaldi G. Problematica dell'ateismo nei Demoni di Dostoevskij*. Milano, 1985; *Strada V. URSS-Russia*. Milano: Rizzoli, 1985; *Ghini G. Il simbolo di «Giobbe» ne «I fratelli Karamazov» di F.M. Dostoevskij: tra connotazione e ermeneutica* // «Lingua e stile». XXII/1, mar. 1987; *Ghini G. «Figura» ed immagine ne «I fratelli Karamazov» // «Intersezioni*. VIII/3, dic. 1988; *Cristaldi G. Dostoevskij: o la scommessa della fede*. Milano, 1989; *Perosa S. Dostoevskij in Inghilterra e in America*. Firenze, 1989; *Belloli P.G. Diritto penale e criminologia in Dostoevskij*. Milano, 1990; *Piretto G.P. Da Pietroburgo a Mosca: le due capitali in Dostoevskij, Belyj, Bulgakov*. Milano, 1990; *Letteratura e psicologia*, a cura di R. Platone. Napoli: cslUO, 1990 (см. статьи *D. Ferrari Bravo* «Per una tipologia del personaggio folle» и *G. Gigante* «L'introspezione in Dostoevskij. Il diavolo e la morte»); *Casari R. Di un motivo architettonico-spaziale in Dostoevskij. Le vaste prigioni della mente* // *Studi slavistici offerti ad A. Ivanov nel suo 70º compleanno*. Padova, 1992; *Cordara C. L'elemento comico nella piccola prosa di Dostoevskij*. Milano, 1992; *Ghini G. Dostoevskij a Bologna: le ragioni di un silenzio* // *L'Est europeo e l'Italia: immagini e rapporti culturali. Studi in onore di P. Cazzola*, a cura di E. Kanceff e L. Banjanin. Torino: CIRVI, 1995; *Pacini G. Deboluccio in filosofia: saggio sul pensiero di Fedor Michajlovič Dostoevskij*. Milano, 1997; *Ferrero B. Estetica della fine: la rappresentazione artistica della fine dei tempi nelle opere di Dostoevskij*. Massarosa, 1999; *Martinelli M. Leggere Dostoevskij: viaggio al centro dell'uomo*. Milano, 1999; *Peloso P.F. Dostoevskij e la psichiatria positivista del suo secolo: le tre direzioni dello sguardo di Mitja Karamazov*. 1999; *Ciuffreda P. Il Cristo di Dostoevskij*. Bari, 2000; *Carpi G. Gli intellettuali russi di metà Ottocento e la nascita del ceto medio* // *Letteratura e società*. 2000/6; *Salvestroni S. Dostoevskij e la Bibbia*. Magnano, 2000 (русск. пер.: *Сальвестрони С. Библейские и святотеческие источники романов Достоевского*. СПб., 2001); *Carpi G. Umanità universale: le radici ideologiche di Dostoevskij*.

Pisa, 2001; *Kapni G.* Ф.М. Достоевский и судьба русского дворянства (по роману «Идиот» и другим материалам) // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М.: ИМЛИ РАН, 2001; *Gigante G.* Dostoevskij onirico. Napoli, 2001; *Pacini G.* Fedor Michajlovič Dostoevskij (con nota di M. Martini). Milano, 2002; *Tagliagambe S.* Il sogno di Dostoevskij: come la mente emerge dal cervello. Milano, 2002; *Olivieri C.* Dostoevskij: l'occhio e il segno, Soveria Mannelli, 2003; *Kapni G.* Почвенничество и федерализм (А.П. Щалов и журнал «Время») // Вопросы литературы. 2004. № 4; *Carpi G.* L'icona nella letteratura russa del XIX secolo. F.M. Dostoevskij // «Religione e società». 2004/50; *Carpi G.* Dostoevskij fra letteratura e politica. 1854–1862 // «Il nuovo Baretti». 2005/1; *Carpi G.* Dostoevskij economista // «Studi slavistici». 2005/2.

⁴⁵ См.: Dostoevskij nella coscienza d'oggi (под ред. S. Graciotti). Firenze: Sansoni, 1981 (где рассматриваются разные черты и сюжеты творчества Достоевского); Dostoevskij e la sua opera. Atti del convegno Italo-sovietico. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1985 (со статьями русских и итальянских авторов: Г. Бердникова, Н. Балашова, Ю. Манна, S. Graciotti, N. Kauchtschischwili, V. Strada, A. Maver Lo Gatto); Dostoevskij e la crisi dell'uomo (под ред. S. Graciotti и V. Strada). 1991 (книга посвящена этическим, религиозным и философским мотивам в творчестве русского писателя); Dostoevskij e la sua epoca (каталог под ред. И. Шеллаковой, Г. Пономаревой, C.E. Bugatti). Senigallia Ostra Vetere, 1991.